

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА
ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯТ
1980
МУРЗИЛКА
2

23 ФЕВРАЛЯ — ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ АРМИИ И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Владимир СТЕПАНОВ

Над площадью Красной,
Под небом Кремля
Цветы распустились
Среди февраля.
Над площадью Красной —
Цветные огни.
Летят на погоны
Военным
они...

Спускается с неба
Цветок голубой.
Для лётчиков наших
Он самый родной.
Зелёные в небе
Играют огни.
Они
пограничникам нашим
Сродни.

А синий
Летит
на погоны
морские.
Спускается
жёлтый,
малиновый цвет...
Над площадью Красной —
Огромный букет.

На площади Красной
Орудия бьют:
В честь армии нашей
Сегодня
САЛЮТ!

ПИСЬМО ОКТЯБРЯТАМ

писателя Анатолия Митяева, ветерана Великой Отечественной войны

Дорогие октябрята!

Есть у нашего народа два больших военных праздника: День Советской Армии и Военно-Морского Флота и День Победы. Зимой и весной — 23 февраля и 9 мая — мы чествуем тех, кто с оружием охраняет Родину, тех, кто сражался за Родину на войне.

Храбро, не жалея жизни, воевали советские люди в гражданскую войну с белогвардейцами, в Великую Отечественную войну с фашистами. И победили врагов.

Всё больше лет, мирных, счастливых, отделяют нас от жестоких битв. Но мы помним подвиги защитников Родины. Пусть сто лет пройдёт, пусть пройдёт целая тысяча — память о героях не уменьшится ни на крошечку.

Много военных памятников, музеев на нашей земле. Они в каждом городе, в посёлках, в деревнях. А ведь можно сделать — не музей, конечно, — воинский уголок в каждом доме. У каждой нашей семьи есть родственники, воевавшие на фронтах.

В таком уголке под красной пятиконечной звездой будут фотографии фронтовиков и их боевых друзей, письма, посланные с фронта; во многих семьях до сих пор хранятся треугольнички со штемпелями полевой почты. Сохранились ещё и какие-то вещи с войны: котелок, фляга, компас, полевая сумка, фуражка, погоны, звёздочка — это уже не просто вещи, а реликвии, и надо беречь их. Пусть в уголке лежит тетрадочка, в которой будут записаны рассказы ветеранов войны о боях и жизни на фронте. По рассказам можно сделать маленький макет землянки или блиндажа, нарисовать картинки. Можно нарисовать карту и отметить на ней боевой путь фронтовика, обвести кружками города и деревни, в боях за которые он участвовал. Можно собрать открытки с видами тех городов, книги, в которых описаны те бои и сражения. А если не дожил участник великой войны до победы, то пусть в уголке будет коробочка с землёй из того края, где он воевал и пал смертью храбрых.

Два больших военных праздника у нас, и если вы, октябрята, в промежутке между этими праздниками, начав 23 февраля, сделаете у себя дома к 9 мая подобные уголки, это будет прекрасно! Это будет выражением вашей благодарности людям, завоевавшим для вас счастливую жизнь...

Верно, одним вам с таким делом не справиться. Попросите старших помочь. Они, конечно же, не откажутся.

Как будет готов воинский уголок, напишите о нём в «Мурзилку». Пришлите и рассказы, записанные со слов участников войны. Так к рассказам о войне, уже известным, прибавятся новые. И люди узнают новых героев, совершавших подвиги во имя любимой Родины.

КТО ПЕРВЫМ ПОЛУЧИЛ ПЕРВЫЙ ОРДЕН

А. ВАСИЛЬЕВ

Рис. В. ЛОСИНА

Самые почётные награды за подвиги в труде и бою — это ордена. Когда увидишь человека с орденом, знай: он сделал много хорошего для страны, а значит, и для всех нас.

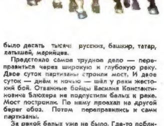
Орден Красного Знамени — так называется первый советский орден. Он был учреждён вскоре после Октябрьской революции, когда Красная Армия воевала с белогвардейцами. Знамя на нём обрамлено венком из дубовых листьев. В середине — серп и молот. Листья дуба, могучего дерева, означают силу, храбрость, воинскую славу. Серп и молот означают дружбу крестьян и рабочих. Тому, кто под Красным знаменем храбро сражался за счастье рабочих и крестьян, давалась такая награда.

Одним из самых храбрых и умелых командиров Красной Армии был Василий Константинович Блюхер. Он командовал партизанским отрядом на Урале. Отряду нужно было выйти из вражеского тыла и соединиться с войсками Красной Армии. Путь предстоял не близкий — сотни километров. И не лёгкий — белогвардейцы со всех сторон окружали отряд, приходилось постоянно отбивать их атаки. За отрядом, за конницей и пехотой, ехал длинный обоз. Лошади везли в телегах раненых и семьи партизан — детишек, женщин, стариков.

Сначала белым казалось совсем просто уничтожить партизан. Конница врага напала на отряд в открытой степи. С разных сторон скакали кавалеристы, размахивая саблями. Пулемётной стрельбой партизаны остановили врагов, а потом понеслась в атаку партизанская конница. И враги позорно бежали.

Белые собрали ещё больше войска, встали на пути партизан с пушками. Тогда Василий Константинович увёл отряд в горы. Продвигаясь через лесные чащи и болота, преодолевая перевалы, партизаны неожиданно для врага выходили к городам и освобождали их. В каждом городе, в каждом селе, куда приходили партизаны, к ним присоединялись рабочие и крестьяне. Чем дальше шёл отряд, тем больше становилось в нём бойцов. Их уже было десять тысяч: русских, башкир, татар, латышей, марийцев.

Предстояло самое трудное дело — переправиться через широкую и глубокую реку. Двое суток партизаны строили мост. И двое суток — днём и ночью — шёл у реки жестокий бой. Отважные бойцы Василия Константиновича Блюхера не подпустили белых к реке. Мост построили. По нему проехал на другой берег обоз. Потом переправились и сами партизаны.

За рекой белых уже не было. Где-то поблизости находились войска Красной Армии. Но они ничего не знали о партизанах, могли принять их за белогвардейцев, обстрелять из пушек. В штабе красных считали, что отряд Блюхера погиб в неравных боях, ведь он вышел в поход летом, а теперь была осень...

Василий Константинович остановил отряд в степи. Все знамёна, какие были у партизан, отдали эскадрону кавалеристов. Эскадрон с развёрнутыми знамёнами, алевшими, как заря, над всадниками, поехал к красноармейцам. По красным знамёнам все сразу поняли — едут свои!

Радостно встретили красноармейцы партизан. Накормили их, обогрели, раненых положили в госпиталь. Храбрые воины удивлялись храбрости партизан: их поход был героическим, небывалым походом. С ним можно было сравнить лишь поход Суворова в Альпийских горах.

За мужество, за умелое руководство отрядом, за победы над белыми Василий Константинович Блюхер — самым первым — получил от правительства наш самый первый орден — Красного Знамени.

На орденах, на их оборотной стороне выбиты номера. Василий Константинович позже, когда был учреждён другой военный орден — Красной Звезды, — тоже получил его, и тоже под номером один.

СТРАНИЧКИ ЖИЗНИ ВОЛОДИ УЛЬЯНОВА

Рис. В. ГАЛЬДЯЕВА *С. РОМАНОВСКИЙ*

НА СЕМИ ВЕТРАХ

Ребята! Вы, конечно, знаете, что Ленин родился 22 апреля 1870 года в городе Симбирске — ныне город Ульяновск. Симбирск — что значит это старинное название? На русский язык с языков народов Поволжья его переводят по-разному: Место, где живут люди... Зелёные горы... Город на семи ветрах...

Все эти названия правильные. И люди здесь живут давным-давно. И горы здесь зелёные. И ветры сильные. Родные Ильича вспоминают, что ветреную погоду он любил — любил идти навстречу ветру. В Ульяновске есть лучший памятник Ленину: Ильич стоит над волжскими кручами, овеянный ветром Революции.

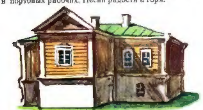

Есть у вас река вашего детства? Там, где вы купаетесь, ловите рыбу, собираете ракушки? Наверняка есть. У Ленина таких рек было две: огромная Волга и малая Свияга. Дело в том, что Симбирск-Ульяновск — там, где эти реки подходят совсем близко одна к другой. Текут они параллельно, но в разных направлениях: Волга на юг, а Свияга на север. Пожалуй, во всём мире не найти другого такого города, у которого были бы две параллельные реки, бегущие в противоположные стороны.

Купаться, зимой кататься на коньках Ульяновы ходили на Свиягу — она ближе к их дому. А на Волгу

они шли смотреть на простор, от которого захватывало дыхание, на белые пароходы. Слушать песни бурлаков и портовых рабочих. Песни радости и горя.

СОЛНЫШКИ

Старый Симбирск был городом небольшим и в основном деревянным. Мастера-искусники украшали жилища резьбой по дереву и узорным железом. Каких только узоров тут не было! Цветы, травы, животные. А ещё? Много всего. Главным было солнышко. Вот и на доме, где родился Ленин, дымники над трубами, выкованные из железа, — солнышки с лучами. А какое хорошее солнышко — просто загляденье! — на доме, где Ульяновы жили в 1877—1878 годах. Солнышко это вырезано из дерева, и такое оно улыбчивое, доброе.

Комната Володи Ульянова выходит окнами на восток. Он первым в доме встречал солнце.

МАМА

Мама Володи Ульянова — Мария Александровна — посвятила себя воспитанию детей. А их у неё было шестеро — Анна, Александр, Владимир, Ольга, Дмитрий и Мария. И все они выросли людьми прекрасными.

Мария Александровна была дочерью талантливого врача Александра Дмитриевича Бланка. Главным лекарством он считал физические упражнения, закаливание организма водой, воздухом, солнцем. Мария Александровна полностью разделяла взгляды отца, и благодаря её усилиям дети в семье Ульяновых росли здоровыми и болели редко.

По образованию Мария Александровна была учительницей и детям с малолетства прививала любовь к труду. У каждого ребёнка было увлекательное занятие по дому — уход за цветами, за яблонями, за садом.

Она научила детей играть на рояле, петь, рисовать, понимать и любить прекрасное. Мария Александровна знала несколько иностранных языков. И если впоследствии Ленин свободно говорил с немецкими, английскими, французскими рабочими и рабочими других стран и национальностей, то этим он во многом обязан материнским урокам в Симбирске.

Вам не приходилось читать письма Ленина к матери? Если да, то вы, наверное, заметили, что он всегда обращается к Марии Александровне по-сыновнему нежно: «Дорогая мамочка!»

ОТЕЦ

Отец Ленина — Илья Николаевич — был сыном крепостного крестьянина.

Преодолевая лишения, Илья Николаевич окончил Казанский университет и много лет работал инспектором, а затем директором народных училищ Симбирской губернии. Свою жизнь он посвятил просвещению и образованию народа, и с его участием в Поволжье было открыто много школ.

В распутицу, в снеговертье, в любую погоду Илья Николаевич ехал в симбирскую глухомань, пропадал там неделями, а то и месяцами, собирал крестьянские сходы, убеждал, объяснял и добивался своего.

Когда отец возвращался из поездок, Володя первым бежал к нему навстречу и обнимал его крепко-крепко.

— Папа! — говорил он. — Папочка! Как мы все по тебе соскучились...

Приезд отца был праздником, и каждая новая школа была радостью в семье Ульяновых.

Внешне Володя Ульянов очень походил на отца: высокий открытый лоб, карие глаза, волнистые волосы. Он походил на отца и характером — упорством в достижении цели, благородством помыслов, желанием постоянно учиться и передавать свои знания другим.

НЯНИНЫ СКАЗКИ

Семья Ульяновых была большая. Вести хозяйство Марии Александровне помогала няня — пензенская крестьянка Варвара Григорьевна Сарбатова.

Была она работящая, спокойная, с певучим крестьянским говором. Няня нянчила малых детей, баюкала, пела старинные песни и рассказывала сказки.

Сколько сказок она знала на память! Не счесть. Про петуха в красных штанах. Про хитрую лису. Про чёртушка. Про клады, что жаром горят в здешней земле, да не каждому даются — только удачливому, счастливому. Про Добро, что сильнее Зла.

У няни был медный таз, в котором она на всю семью варила вишнёвое варенье, и сладкий дух его окутывал дом и сад — издалека слышно.

Был у няни сундук с пожитками. Крышку его она изнутри оклеила нарядными картинками, как это делали в те времена все деревенские женщины.

Няня была равноправным членом семьи Ульяновых, и у неё была своя отдельная комната. Маленький Володя любил приходить сюда, рассматривать картинки на крышке сундука, слушать сказки. С детства он впитал любовь к русскому чистому слову.

САНРЕЙС

ОКТЯБРЯТА — ПО СТРАНЕ ОКТЯБРЯ

Раньше транспортом на Севере были лишь олени да собаки. Сегодня самолёты по небесным дорогам везут людей и нужное им для работы оборудование, доставляют почту, а иногда специальные санрейсы срочно подвезут больного к врачу или врача к больному. Полярные лётчики — люди смелые, мужественные и весёлые. О них этот рассказ.

А. СТАРОСТИН

Итак, мы, экипаж самолёта Ли-2, дежурили на острове Айхон.

И пришёл к нам в гостиницу диспетчер и сказал:

— Надо, товарищи, выполнить санрейс в Самоедскую.

— Что там стряслось?

— У девочки что-то с горлом. Надо делать операцию.

— Что там за погода?

— Лететь-то, конечно, нельзя: туман. Но на усмотрение командира... На вашу ответственность.

— Где врач? Поедем, — сказал я.

От гостиницы уже шёл врач с чемоданом. Он приветливо помахал мне рукой.

— Поехали! — сказал я Войтину.

— Погоди-ка. Я ещё не всё сделал.

Над лагуной, отражаясь в синем льду, висели сразу три солнца: такой мираж часто можно видеть на Севере. И от каждого солнца тянуло холодом. В морозном воздухе летели серебряные иголки замёрзшего тумана. Но уже чувствовалась весна. Океан кое-где вскрылся, и белёсое небо впитало в себя цвет открытой воды: над горизонтом висели неаккуратные чернильные полосы.

Наконец мы запустили моторы и пошли на взлёт. Под нами остались крошечные домики. Дым из труб поднимался вверх, дома казались подвешенными за эти дымные струи и дрожали в морозном мареве.

А потом пошла ледяная пустыня, только кое-где виднелись трещины, и от воды поднимался пар.

Рука радиста задрожала на ключе, как насекомое, попавшее на липкую бумагу.

— Самоедская закрылась наглухо, — сказал он, — ни малейшего просвета.

— Придётся пойти на запасной аэродром, на мыс Креста, — сказал я, — а будет малейшее окошко — сразу в Самоедскую.

Мы уже входили в зону ледового аэродрома мыса Креста, как вдруг радист подскочил в своём кресле и выругался.

— Они тоже закрылись, — сказал он, — у них полоса треснула. Что делать? Здесь кругом горы.

— Пойдём в Алькуэму, — сказал я, — хватит ли бензина?

Штурман вытащил из-за голенища своего сапога штурманскую линейку и стал считать.

— Не дотянем, — сказал он.

Мы переглянулись. Тут было над чем призадуматься. Второй пилот, молодой парень, изо всех сил старался показать вид, будто не струсил, я даже попробовал улыбнуться.

— Ну и санрейс! — сказал я бодреньким голосом, а сам думал, что же делать. Как же это мы так опростоволосились?

— Ничего, — сказал я, — сядем на горное озеро Аян. Это недалеко.

— «Отлично», — передразнил радист, — там костей не соберёшь.

— А сколько надо горючки, чтоб дотянуть до Алькуэмы? — спросил Войтин у штурмана.

Рис. В. ЧАПЛИ

— Около двухсот килограммов. Только где мы их возьмём?

— От твоего бензина осталось с десяток килограммов, — Войтин ехидно улыбнулся. Радист побледнел. Штурман полез за папиросами. — И теперь, значит, переходим на мой бензин.

И он переключил кран на дополнительные баки.

— Как это на твой? — не понял я.

— Я плеснул ещё двести килограммов. На всякий пожарный случай.

Радист, несдержанный человек, даже в ладоши прихлопнул и махнул рукой, как футболист, забивший гол. Потом запел.

— Ну-ка, уточни, какая погода в Алькуэме, — перебил я его пение.

— Братцы, а ведь в Алькуэму сейчас слетятся десятки самолётов. Ведь погода кругом испортилась. Сейчас там будет столпотворение, — сказал он.

В пилотскую кабину просунулась голова врача.

— Уж не заблудились ли мы? — спросил он. — Что-то долго летим до Самоедской.

— Идём в Алькуэму, — сказал я.

— Туда не нужно.

— В Самоедской туман.

— Значит, струсили?

— Да, струсили, — сказал Войтин, — прошу выйти из кабины. Посторонним здесь находиться не положено.

Врач криво ухмыльнулся и закрыл дверь с той стороны.

— Ишь, храбрец! — буркнул Войтин.

Когда мы прибыли в Алькуэму и зарулили на аэродромную стоянку, он выглянул в окно и сказал штурману:

— Беги-ка со всех ног в гостиницу и займи небольшую, обязательно небольшую, комнату на шесть человек — шестой храбрец — и чтоб окна были на север. А потом беги в столовую и закажи на всех ужин. Мы скоро будем.

— Почему на север?

— Иди. Потом поймёшь. А ты... — Войтин задержал радиста, который нацеливался удрать. — Иди-иди и возьми с собой храбреца, — махнул он штурману. — А ты, — он взял радиста за рукав и загородил выход второму пилоту, — и ты, — он поглядел на второго пилота, — возьмите в заднем отсеке чехлы и зачехлите моторы.

— А разве у нас на борту чехлы? Их возить не положено. Лишний груз.

— Это ничего, что не положено, — сказал Войтин.

— Зимние чехлы?

— Зимние-зимние, — Войтин стал выпихивать радиста из кабины.

Радист вконец расстроился. Ведь зимние чехлы ватные. Они тяжёлые и грязные. И, зачехляя моторы, можно не только вымазаться, но и свалиться с мотора.

— Радисту не положено поднимать тяжести — рука будет дрожать, — заныл он, — мне руки надо беречь, как музыканту или хирургу.

Но Войтин вытолкал его из кабины и подпихнул в спину второго пилота, который тоже не очень-то рвался возиться с чехлами.

— Пойду на метео, — сказал я, — вдруг откроют.

— Сперва сходим за бензином.

— Может, заправимся перед вылетом?

— Надо сейчас, — возразил Войтин.

И мы пошли к автобазе, где стояли топливозаправщики, «печки» — машины, дующие горячим воздухом, водовозки и тягачи. А на посадку заходили всё новые и новые самолёты.

— Все идут сюда. Вон наземные механики с ног сбились.

Мы зашли в диспетчерскую. Шофёры играли в домино. Стол был покрыт блестящей металлической плитой, отполированной костяшками домино до зеркального блеска.

— Здравствуйте, дорогие товарищи! — сказал Войтин бодрым голосом и сделал приветствие рукой.

На него даже не глянули.

— Надо бы заправиться, — добавил он.

— Завтра и заправитесь, — буркнул толстый шофёр и ударил костяшкой по плите, — не пожар, дорогой товарищ. Рыба! Подсчитаем очки.

Войтин сразу понял, что толстяк с топливозаправщика.

— Надо сейчас. Поедем, старина. Проветришься. А за тебя мой командир сыграет. Он, знаешь ли, прекрасно в домино играет.

Шофёр сердито поглядел на Войтина, потом на меня и что-то проворчал себе под нос.

— Ну поедем, дорогой мой. Надо. Сам понимаешь.

Шофёр задумался. Наверное, думал, как бы от нас избавиться.

— Нет! — сказал он твёрдо.

— Да я тебя, мой родной, на руках донесу, — сказал Войтин, поднял толстяка вместе с креслом и понёс.

— Да пусти ты, медведь! — рассердился шофёр. — Сам пойду. А ты, — он поглядел на меня, — не подведи. Хорошо играй.

Когда шофёр и Войтин вышли и мотор топливозаправщика загудел, я сказал:

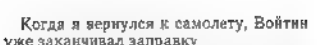
— Вы меня, конечно, извините, но я в домино не умею играть.

— Эх ты! А ещё командир! Не надо было вас заправлять вообще, — сказал один из игроков и укоризненно покачал головой.

На метеостанции мне сказали, что Самоедская закрыта наглухо. И пошутили:

— Там туман пропитал землю на три метра вглубь. Там теперь и из дому никто не выходит.

Когда я вернулся к самолету, Войтин уже заканчивал заправку.

Мы двинулись в гостиницу. Что там творилось! Мест не хватало, потому что пришло много самолётов, а каждый экипаж — это ведь не меньше пяти человек. В комнаты, что побольше, понаставили раскладушек, а кое-кто устроился даже в коридоре, на сквозняке. Тут разве выспишься? А разве выспишься, если в комнате два или три экипажа и рядом обязательно кто-то храпит незнакомым храпом?

В коридоре нас ждал штурман. Он пришёл в гостиницу раньше всех и успел захватить маленькую комнату с окном на север.

— Неплохо, — одобрил Войтин, — открой форточку. В духоте не выспишься.

— Да-да, — сказал врач, — мне надо хорошенько выспаться, чтоб завтра рука не дрожала.

Штурман открыл форточку, и все мы пошли на ужин, который был уже заказан.

— Теперь я понял, почему окна должны быть на север, — сказал он, — ведь ветер южный и нам в форточку не надует снега.

— Молодец, — похвалил его Войтин, — соображаешь.

После столовой (мы не стояли в очереди) мы легли спать и прекрасно выспались. Когда туман в Самоедской начал редеть, нам позвонили, и мы, полностью готовые, пошли на самолёт.

Вы бы поглядели, что творилось на аэродроме! Самолётов-то налетело сюда много, и вот бортмеханики воевали за топливозаправщики да за «печки», которых не хватало на всех. А наш самолёт был заправлен с вечера, моторы под толстыми чехлами ещё не остыли. Мы запустились и вылетели самыми первыми.

Остаётся только добавить, что операцию девочке сделали удачно. Мы, конечно, не видели, как работал врач: в операционную входить посторонним не положено.

ЗАЯЧЬИ ТРОПЫ

Замечательную художницу Татьяну Алексеевну Маврину хорошо знают читатели „Мурзилки“. Многие рисунки её печатались на наших страницах. Совсем недавно книга Т. Мавриной „Стеклянный пруд“, созданная ею в содружестве с писателем Юрием Ковалём, была удостоена Почётного диплома имени Ивана Фёдорова. Писателя Юрия Коваля читатели „Мурзилки“ тоже знают и любят. Его повесть „Алый“, рассказы из книги „Чистый Дор“, страницы из „Недопёска“ печатались у нас в журнале. Сейчас Татьяна Маврина и Юрий Коваль закончили для вас, ребята, новую книгу — „Заячьи тропы“. Рассказы и рисунки из неё мы будем печатать в этом году.

Никак я не пойму — то ли это речка, то ли ручей.

Ну летом это, конечно, ручей. Летом его перешагнуть можно. А вот уж осенью его не перешагнёшь. От осенних дождей превращается ручей в речку. Его теперь не перешагнёшь. Его теперь переплывать надо, да не переплывёшь. Завалена лесная речка корягами, палыми осинами, гнилой ольхой.

Художница Татьяна Алексеевна нарисовала этот ручей осенью и написала на рисунке: «Лесная речка».

— Разве ж это речка? — сказал я. — Это же ручей. Вы бы лучше так и написали «Лесной ручей».

— Это летом — ручей, а осенью — речка, — ответила Татьяна Алексеевна.

Стали мы думать, куда течёт наша лесная речка

— Не в Сходню ли? — сказала Татьяна Алексеевна. — Здесь речка Сходня где-то поблизости. У Сходни берега высокие. По ним нужно спускаться и подниматься к воде. Отсюда и название — Сходня.

— А Сходня куда впадает?

— В Москву-реку, а река Москва в Оку. Мне с детства это слово — Ока — кажется очень круглым. У Оки вода белая. А вливается она в жёлтую Волгу. А у Волги — жёлтая — в тёмно-синее Каспийское море. Может, сделаем кораблик?

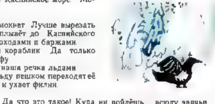
— Из бумаги? — спросил я.

— Из бумаги — скоро размокнет. Лучше вырезать кораблик из доски, и пускай плывёт до Каспийского моря. Гуляет там вместе с пароходами и баржами.

Договорились мы и сделали кораблик. Да только стоит пока что кораблик в шкафу.

Зима сейчас, зима. Скована наша речка льдами.

Зимним днём по крепкому льду пешком переходят её зайцы, а ночью летает над ней и ухает филин.

Заячьи тропы

Да что это такое! Куда ни пойдёшь — всюду заячьи следы. А в саду не то что следы — настоящие тропы натоптали беляки между груш и яблонь.

Стал я считать по следам, сколько зайцев приходило ночью в сад. Получилось — одиннадцать.

Обидно мне стало — всю ночь спал как убитый, а зайцы мне и не снились. Надел я валенки и пошёл в лес.

А в лесу заячьи тропы превратились в дороги, прямо какие-то заячьи шоссе. Видно, ночью беляки да русаки табунами тут ходили, в темноте лбами сталкивались. А сейчас ни одного не видно — снег, следы, солнце.

Наконец заметил я одного беляка. Он спал в корнях поваленной осины, выставив из-под снега чёрное ухо.

Я подошёл поближе и говорю тихонько:

— Эй, вы!

Ухо чёрное высунулось ещё немного, а за ним и другое ухо — белое.

Это другое ухо — белое — слушало спокойно, а вот чёрное всё время шевелилось, недоверчиво склоняясь в разные стороны. Как видно, оно было главней.

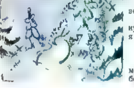
Я шмыгнул носом — и ухо чёрное подпрыгнуло, и весь заяц вышел из-под снега.

Не глядя на меня, он бочком-бочком побежал в сторону, и только ухо чёрное беспокойно оглядывалось: что я там делаю? Спокойно ли стою? Или бегу следом?

Всё быстрее бежал заяц и уже нёсся стремглав.

Ухо его чёрное замелькало среди березовых стволов.

А я смеялся, глядя, как мелькает оно, хотя уже и не мог разобрать — ухо это заячье или чёрная полоска на берёзе.

„Лес, лес, возьми мою глоть!"

Заболело у меня горло.

Стал я его лечить горячим молоком и мёдом, паром разварной картошки

— А ты в лес сходи, — сказала Пантелеевна. Стань на поляне да крикни изо всех сил «Лес, лес! Возьми мою глоть!» Может, и возьмёт Только сильней крича-то и рот пошире открывай.

Обулся я оделся потеплей, пришёл в лес Стал на поляну, разинул рот и крикнул изо всех сил

— Лес, лес! Возьми мою глоть!

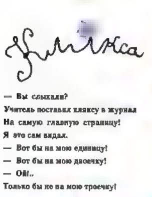
Не шелохнулся лес, и я не понял взял он или не взял. Стал я снова кричать и орал ужасно и рот разевал, чтобы лес мог поглубже в меня проникнуть.

«Ну и глоть у тебя, брат», — думал, наверное, лес, глядя на мои старания

Вернулся я домой, залез на печку греться, а сам всё думаю: взял он или нет?

Давно это было. И теперь я живу в городе, и горло у меня не болит И ничего у меня не болит И вообще, я здоров как бык Весело гуляю среди каменных домов, а про себя всегда думаю: «Лес, лес! Возьми мою глоть!»

Клякса

— Вы слыхали?
Учитель поставил кляксу в журнал
На самую главную страницу!
Я это сам видал.
— Вот бы на мою единицу!
— Вот бы на мою двоечку!
— Ой!..
Только бы не на мою троечку!

— Кто прав?

Сегодня Клоков
дежурный у нас.
Того, кто не мылся,
не пустит в класс.
Коля Сизов,
его старый друг,
Чтоб друга проверить,
не вымыл рук.
— Пока не помоешь, —
сказал ему Клоков, —
Не допущу тебя
до уроков!
— Что ты?
Да мы же друзья!
С друзьями ведь
так нельзя!
— А разве такими
руками
Здороваться можно
с друзьями?

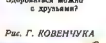

Рис. Г. КОВЕНЧУКА

ТАКОЙ ХОРОШИЙ ДЕД

Слова М. ПЛЯЦКОВСКОГО

Музыка С. ТУЛИКОВА *Рис* В. КАНЕВСКОГО

Если вдруг придётся туго,
Друг спасёт от разных бед,
Очень я похож на друга,
Потому что он мой дед.
С дедом мы по воскресеньям
Держим путь на стадион,
Я люблю пломбир с вареньем,
А мультфильмы любит он.
Припев:
С таким хорошим дедом
Не скучно даже в дождь.
С таким хорошим дедом
Нигде не пропадёшь!
Краны, спутники и пушки
Разбросал я по углам.

Дед приносит мне игрушки,
А играет в них он сам.
Батальонам оловянным
Дед командует «Вперед!» —
И ведёт к далёким странам
Мой бумажный пароход.
Припев.
Лыжи мы купили с дедом —
На снегу они скрипят.
Я плетусь за дедом следом
На виду у всех ребят.
Не могу понять я всё же,
Любопытства не тая,
Кто из нас двоих моложе:
То ли дед мой, то ли я?

Из ваших писем, ребята, я понял, что спорт любят все!

Таня из города Минска пишет: *«Я раньше не умела плавать, а прочитала «Страничку юного спортсмена» и подумала: «Стыдно не уметь плавать! В московском бассейне плавают дети до года, а я не умею!» И когда мы поехали к Чёрному морю, я там научилась плавать кролем и нырять».*

Я прочитал это письмо и задумался: а ведь я тоже не умею плавать! И мне захотелось научиться плавать, чтобы не быть отстающим.

Вот письмо Наташи из города Евпатории: *«В каждом номере «Мурзилки» я слежу за «Страничкой юного спортсмена». Я играю в баскетбол, бегаю с ребятами наперегонки, умею кувыркаться на турнике и лазаю по нему, как по трубе. Ещё я прыгаю с высоты и перепрыгиваю широкие ямы. Когда я вырасту — буду спортсменкой»*

Молодец, Наташа! Не каждый мальчик сможет состязаться с такой девочкой. Придётся и мне набираться сил для будущих соревнований.

МУРЗИЛКА

Окончание

— Женечка, где ты? — Лёня зажмурился и шагнул в застенье

Больше всего на свете он боялся, что попадёт в квартиру соседей или провалится в тёмный сырой погреб. И что же!

Тихий голубой свет наполнял уютную каморку. Под светящимся берёзовым поленом сидел на чурбачке дядюшка Шорох в кожаном фартуке. Во рту он держал гвозди, а на колодке перед ним торчал удивительный с фигурным каблуком сапог. Напротив дядюшки Шороха на другом чурбачке сидел Женька. У него тоже был гнутый молоток, и гвозди он держал, как заправский сапожник, во рту.

Женька, проглотишь!

Младший брат собрал гвозди в ладонь и показал Лёне большой палец

— Во какой заказик получил! Нечаянные Звоны срочно просят сшить ему музыкальные сапоги.

Ох, уж этот пронырa Женька! Лёне стало завидно, ему тоже хотелось забивать гвозди в каблук музыкального сапога, но попросить он не смел, а Женька не позвал, не догадался. Он разве думает о старшем брате?

Дверь каморки распахнулась, и вбежала Шуршава.

— Что вы наделали?! — бросилась она к мальчикам. — Зачем вы разделили горошину на двоих? У вас теперь нет пути назад!

— Но я не мог оставить младшего брата одного! — всхлипнул Лёня, а Шуршава закрыла лицо ладонями и расплакалась.

— Это я во всём виновата!

Ну чего ты ревёшь? — сказал Женька. — Найдём перстень, а там что-нибудь придумаем

– Да! Да! — закивала бантиками Шуршава. — Я отведу вас к Золотоголовой Птице. Она мудрая. Она поможет

— Ты сначала отведи нас к бабке Подберихе, — сказал Женька

«Он уже всё тут знает!» — удивился Лёня

Бабка Подбериха жила среди чуланов, ларей, мешков, сундуков, корзин, кошёлок. Она даже спала на узлах

Косматенькая, носастенькая, бабка Подбериха была до того старая, что ветром её не только покачивало, но развевало как дым.

— Перстенёк? С янтарём? — Глазки у бабки Подберихи загорелись, корявые пальцы зашевелились. — Неужто проглядела? В тенётах побегу порыскаю. В паутинке!

Бабка Подбериха достала связку ключей, отомкнула замок на одном из чуланов. Женя посветил фонариком в темноту

— Это — подполье! — прошептала Шуршава

Сверху до самого пола свешивались грязные полотнища старой паутины. Бабка Подбериха лазила среди тенёт, напевая песенку:

Ходит-бродит тихо
Бабка Подбериха
Там иголка, там пушок —
И полнёхонек мешок.

— Пойдёмте отсюда! — взмолилась

Шуршава. — Я вся дрожу. Здесь начинается царство Короля Летучих Мышей.

— А бабка перстень не зажилит? — спросил Женька.

— Как ты смеешь так говорить! — Шуршава даже задохнулась от возмущения. — Золотоголовая Птица за бескорыстие удостоила бабку Подбериху титулом Самой Самой Доброй.

Скоро явилась и бабка Подбериха. Она вытряхнула из мешка свою добычу: огрызок жёлтого карандаша, две кнопки, винтик от «Конструктора», серебряную монетку, резинку от Женькиных трусов, дюжину пуговиц...

— Где же нам теперь искать мамин перстень? — спросил Лёня.

— Уж я не знаю, кто меня опередил. К Золотоголовой Птице ступайте.

— Скорее! — торопила Шуршава. — Нам нужно успеть к Золотоголовой Птице до начала праздника Полнолуния.

Вдоль стен навытяжку стояли Женькины солдатики. Тут были русские витязи в кольчугах, рыцари в латах, испанские гранды с пышными перьями на шляпах. Могучие воины-негры с копьями и воины-индейцы с томагавками.

— Это бабка Подбериха натащила их сюда! — с уверенностью сказал Женя. — Лёня! Смотри! Мои четыре принца. Я их с карточных валетов срисовал.

Принцы стояли у двери, но эта дверь была совсем не дворцовая. Её сбили из неструганых досок, и закрывалась она деревянной вертушкой.

— Нам к Золотоголовой Птице! — сказала Шуршава принцам. — На одну минуточку.

Мальчики думали, что попадут в царские покои, сверкающие драгоценными камнями, золотом, парчой, а попали — в птичник. На полу солома, посредине птичника гнездо из соломы, а в гнезде сидел... гусёнок.

— Гуська! Мой милый Гуська! — закричал Лёня, и радостные слёзы покатились по его щекам.

Резиновый, хорошо надутый гусёнок, в золотой шапочке набекрень, взмахнул крыльями и сел Лёне на плечо.

— Милый мой Гуська! Я думал, ты потерялся навсегда. Тебя все искали: и папа, и мама, а Женя был тогда совсем маленький. Я тебя иногда во сне вижу.

— Меня утащил Серый Озорник! — вздохнул Гуська. — А нашла меня бабка Подбериха. За это я присвоил ей титул Самой Самой Доброй.

Дверь в птичник распахнулась, и принцы хором сказали:

— Гости ждут, когда Золотоголовая Птица откроет бал Полнолуния.

— Я сделаю это, сидя на твоём плече, мой хороший мальчик Лёня. А ты, Женя, можешь погладить меня по перьям.

— О высокочтимая Золотоголовая Птица! — вскричала Шуршава. — Мальчики от радости забыли, зачем пришли к тебе. Они потеряли янтарный перстень. Никто из наших его не видал, даже Самая Самая Добрая.

— Но у меня его нет! — развёл крыльями Гуська

— Ах, значит, он у Короля Летучих Мышей! — Шуршава покачнулась, но её поддержал за руку один из принцев.

А по лунному залу уже летел, звал хрустальный звон.

* * *

Полная луна сверкала в большом круглом окне. Все были в сборе. Шуршавы стояли, поднявшись на цыпочки, дрожа от восторга и нетерпения. Бабка Подберяха и дедушка Шорох были нарядны и торжественны. Принцы замерли, глядя влюблёнными глазами на Шуршав.

— Смотри! — шепнул Женя. — Наше кресло! Но почему-то оно в твоём ботинке.

Бедное кресло пряталось за спинами гостей. Оно дергало ногой, но ботинок, напяленный Серым Озорником, не снимался.

Гуська захлопал крыльями, Шуршавы взмахнули голубыми лентами.

— Дилли-дилли-дон! — в залу вбежал Нечаянные Звоны.

Его сапоги могли заменить самый изысканный оркестр и вполне заменили. Бравые принцы подошли к Шуршавам, поклонились.

— Ах! — сказали Шуршавы и пошли танцевать.

— Гуська! — Лёня вспомнил, что он старший брат. — Гуська, но как мы выберемся отсюда? Голубая горошина была одна.

Ответить Гуська не успел. На луну словно бы набросили сеть.

— Летучие мыши! — в ужасе закричали гости.

— Дилли-дилли-дон! — звенели сапоги неустрашимого рыцаря Нечаянные Звоны, но на всё царство Золотоголовой Птицы засвистела, заулюлюкала свистопляска кухонных труб.

Расшвыривая гостей, в зал ворвался Серый Озорник.

— Громче, Хулиганы Сипы-Храпы!

Громче! А вы все на колени! — заволил Серый Озорник, и кое-кто из гостей не посмел его ослушаться. — Ваше Мышиное величество! Мы ждём Вас коленопреклонёнными.

В зал, гремя когтями, вошёл Король Летучих Мышей. На его голове вместо короны сверкал янтарный перстень.

— Я пришёл забрать себе в жёны всех четырёх Шуршав! — пропищал Король Летучих Мышей.

— Кто же защитит нас! — воскликнули Шуршавы и упали в обморок.

Принцы выхватили шпаги, но Король Летучих Мышей взмахнул крыльями, и за его спиной появились полчища летучих мышей, серые всадники, синие всадники, чёрные всадники, драконы и страшилища, которых когда-то рисовали Женя и Лёня.

— Сопротивленьице бесполезно! — захихикал Серый Озорник.

Принцы бросили шпаги под ноги королю.

— Отныне царство Золотоголовой Птицы — моё царство! — отвратительно пропищал Король Летучих Мышей. — Мне надоели ваши праздники Полнолуния. Теперь вы будете жить в царстве тьмы. Тьма приятна моему величеству и моим подданным.

— Эй ты, не зверь — не птица! Отдай мамин перстень!

Женька вышел вперёд и встал перед королём и его несметным войском.

— Прочь! Или мои воины загрызут тебя! — замахал крыльями Король Летучих Мышей.

— Женя, я с тобой! — Лёня встал рядом с младшим братом.

— Закусать их! — заверещал от ярости Король Летучих Мышей.

Полчища двинулись. Женя поднял руку и включил фонарик. Серые, синие, чёрные всадники бесследно растворились в ярком луче света, а летучие мыши с писком взлетели на потолок и повисли вниз головами.

— Ди-н-н-нь! — раздался весёлый звон, это свалился с королевской головы янтарный перстень.

— Слава победителям! Шуршавы очнулись и подбросили вверх свои голубые ленты.

— Га-га-га! — захлопал крыльями Гуська.

Серый Озорник поднял перстень и принёс Жене.

— Пощади меня! Я постараюсь исправиться.

Он снял с головы шляпу, и все увидели, что Серый Озорник совершенно лысый.

- А кто меня по носу съездил? — спросил Женя.

— Ненароком!

— А кто носки распушивает? Кто обул в мой ботинок кресло? — спросил Лёня.

— Все вещи отныне будут на своих местах. Клянусь!

— Ладно, — сказал Женя. — Прощаем.

Дилли-дилли-дон! — пробежался по лунному залу в своих музыкальных сапогах Нечаянные Звоны. — Бал продолжается!

— Гуська, нам с Женей домой нужно! — сказал старший брат Лёня. — Скоро папа с мамой вернутся из гостей.

— Попрощайтесь со своими друзьями, и я отведу вас к моим соседям. Они помогут вам! — сказал Гуська.

— Давайте потихоньку уйдём, — предложил Женя. — Все такие весёлые! Вон как Серый Озорник отплясывает.

Они незаметно пробрались в птичник.

— Лёня, отодвинь доску в задней стене, — сказал Гуська. — За стеной живут Румяные Братья Дворники. Они помогут вам вернуться домой.

— Милый мой Гуська, а ты не хочешь пойти с нами? — спросил Лёня.

— Мальчик мой! Ты ведь уже вырос. Я останусь здесь, в твоём детстве, где Шуршавы, дядюшка Шорох, Нечаянные Звоны, Серый Озорник.

- Прощай, Гуська! — Лёня принялся тереть глаза.

Прощай, Золотоголовая Птица! — сказал Женя. — Оставляю тебе фонарик! Если кто сунется, свети врагам в глаза!

Женя положил фонарик возле Гуськиного гнезда, подошёл к стене, налёг на доску. Доска заскрипела и отодвинулась.

***

За длинным столом сидели, вздрёмывая, Румяные Братья Дворники.

— Садитесь с нами! — подвинулись братья, освобождая место на лавке. Женя, недолго думая, сел. За Женей — Лёня.

Румяные Братья Дворники налили из большого кувшина в большие глиняные кружки какого-то напитка, а Жене и Лёне налили в чашки.

— Пейте, это утренняя свежесть.

Румяные Братья Дворники залпом выпили свои кружки, улыбнулись, распрямили плечи, встали из-за стола и взяли мётлы.

Лёня с Женей выпили свои чашки и тоже улыбнулись, распрямили плечи, встали из-за стола.

— А вам веники! Из углов будете выметать! — сказали им Румяные Братья Дворники, распахнули двери и принялись мести серую улицу. Серая пыль улетала прочь, улица становилась розовой, утренней.

Лёня и Женя старались не подкачать, махали вениками, как саблями, пыль над ними стояла облаком.

— Апчхи! — чихнул Женя и исчез.

— Апчхи! — чихнул Лёня.

И увидел, что он — в постели. Уже утро. На улице дворник шуршит метлой.

Женя заворочался во сне, что-то забормотал, зачмокал губами, пальцы, сжатые в кулак, раскрылись. На ладони у него горел солнечным светом янтарный перстень.

«А всё-таки Женька у нас молодец!» — подумал Лёня, повернулся на правый бок и заснул крепким утренним сном.

ЗАНЯТИЕ ВТОРОЕ

Писатель Эдуард Успенский и Известный Журналист Мурзилка продолжают рассказывать про „Школу клоунов". Рассказ ведёт Мурзилка.

Ребята, слушайте меня дальше. Наши клоуны неплохо устроились в своей школе. Я думаю, что вы, ребята, тоже хорошо живёте в своей семье. По крайней мере, рабочее место у вас, наверное, есть. Это — удобный стол. На нём вся кая радость — пластилин, ластики, ручки. И чтобы свет падал слева. Если ваши родители не устроили вам такое место, если они что-то недопонимают, давайте споём им эту «Песенку о рабочем месте». Начинаете вы, ребята, потом я.

РЕБЯТА:

У папы и мамы, нам это известно,
Свой стол на работе есть
Или станок.
Так дайте и нам постоянное место,
Чтоб каждый освоить
Грамматику мог.

МУРЗИЛКА:

А я, прогресса ради,
И вас я вам прошу
Дать детям по тетради
И по карандашу.

РЕБЯТА:

Пусть в нашей квартире от мебели тесно —
Шкафы и диваны
Стоят на пути.
Но всё же ребёнку рабочее место
Родители срочно
Должны отвести.

МУРЗИЛКА:

А я, прогресса ради,
И вас я вам прошу —
Дать детям по тетради
И по карандашу.

РЕБЯТА:

Учёные и просвещённые люди
Стране нашей очень
И очень нужны.
Поэтому мы прохлаждаться не будем,
Мы грамоте срочно
Учиться должны.

МУРЗИЛКА:

А я, прогресса ради,
И вас я вам прошу
Дать детям по тетради
И по карандашу.

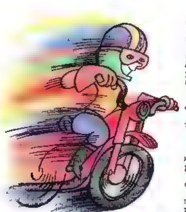
А в школе наступил ВТОРОЙ ДЕНЬ ЗАНЯТИЙ.

В начале дня Василиса Потаповна захотела немного повоспитывать клоунов. Она сказала:

— Дорогие учащиеся! Каждый культурный человек должен быть грамотным, уметь писать и читать.

— И неправда! — моментально возразила Наташа. — Я, например, культурная. Не дерусь. Не плююсь где не надо. А писать не умею.

— И я культурный! — закричал клоун Саня. — У меня целых два носовых платка есть. Для себя и для Полкана. А читать я не могу.

— Можно по телефону позвонить, — сказала Наташа.

Или мы это письмо нарисуем при помощи картинок, — добавил Саня.

— Хорошо! — сказала Ирина Вадимовна. — Сейчас мы проведём опыт. Мы с клоуном Саней уйдём в живой уголок. Он вам нарисует письмо, вы попытайтесь его прочесть.

Клоуны обрадовались и стали ждать. В живом уголке Ирина Вадимовна сказала

— Помнишь, Саня, телеграмму, которую ты прислал нам из тайги?

— Помню.

— Вот её и нарисуй.

Саня крепко задумался. Потом взял карандаш и нарисовал рисунок, который помещён тут в рамочке.

Директриса посмотрела на рисунок и сказала

— Я что-то не очень понимаю, что здесь написано. Ведь телеграмма была такая «ВСТРЕЧАЙТЕ МЕНЯ. Я УЖЕ

— Но культурный человек должен всё знать. Поэтому он читает газеты! — настаивала Василиса Потаповна.

— А я радио слушаю, — возразил скромный Шура. — И тоже всё знаю. Сколько градусов в Подмосковье? Какие события сейчас в Африке?

— Айболит ещё там? — спросила клоун Наташа.

— Значит, по-вашему выходит, что учиться необязательно?

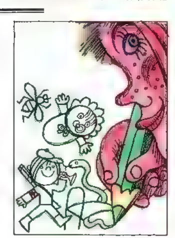
— Выходит, что так выходит! — с удивлением сказал Шура.

Раздался треск мотоцикла. Это приехала Ирина Вадимовна. И пришёл степенный Помидоров с портфелем под мышкой.

— Ну чем вы тут занимались? — спросила девушка-директор.

— Нам Василиса Потаповна объяснила, что учиться совсем необязательно! — закричала радостная Наташа.

— Да? — удивилась Ирина Вадимовна. — А если вам надо написать письмо товарищу или записку?

ВЫЛЕТЕЛ. КЛОУН САНЯ ИЗ ТАЙГИ И ЕГО ВЕРНЫЙ ПОЛКАН». И никаких там мух не было.

И здесь мух нет. Это пчела. Она жужжит. Значит, надо читать.

— ЖЖЖ-Ж-Ж. А это — дитя. Вместе получается Ж-Ж Ж ДИТЯ. Дальше нарисован я.

— А что ты делаешь?

— Я УЖА ЛЕЧУ.

При чём тут уж? — спросила Ирина Вадимовна.

— А при том, что получается. Ж Ж Ж-ДИТЯ. Я УЖА ЛЕЧУ. То есть в переводе с картиночного: Я УЖЕ ЛЕЧУ В САМОЛЁТЕ. Уже вылетел.

— Логично, — согласилась юная директриса. — Только ты уж и самолёт нарисуй. И ещё в телеграмме про Полкана было.

Саня согласился и дорисовал самолёт и Полкана.

У него вышло:

— Ж-ДИТЯ САМОЛЕТ. Я УЖА ЛЕЧУ ВМЕСТЕ С ПОЛКАНОМ.

Потом Саня свистнул и со двора примчался Полкан, стуча копытами по паркету. Саня запихнул ему в рот письмо и велел отнести письмо в класс к клоунам.

И вот Полкан ввалился в кабинет с письмом в зубах. Все к нему бросились. Первой успела Наташа. Она стала читать.

— Ой, это же всё очень просто. Когда Саня был маленький, его укусила муха. Так что он даже подлетел. Он долго болел и страдал. И решил, когда вырастет, он станет врачом и будет лечить зверей.

А что? — сказала Василиса Потаповна. — Очень трогательная история. Может быть, всё так и было.

— Нет, — возразил думающий клоун Шура. — Это надо по-другому читать. Смотрите, Полкан. Уж. Доктор. Стихи получаются:

— Полкан уж заболел, как малое дитя.

Летите все ко мне. Он болен не шутя.

Василиса Потаповна была поражена. Из такого маленького письма столько смысла вышло.

А в живом уголке директор Ирина Вадимовна и Саня разговаривали.

— Жил ты раньше, Саня, в тайге. Коза твоя охотничья волков выслеживала. А теперь ты должен учиться писать и считать.

— Только писать! — возразил Саня. — Я очень хочу переписываться с одной девушкой. А писать не умею.

Он показал фотографию. Тут прибежали клоуны и стали читать письмо.

Во дают! — сказала Ирина Вадимовна. — Ты им телеграмму свою нарисовал, а они целую поэму сочинили.

— Это же простое письмо, — закричал Саня. — Ж Ж Ж-ДИТЯ САМОЛЕТ. Я УЖА ЛЕЧУ ВМЕСТЕ С ПОЛКАНОМ.

Но товарищ Помидоров заявил.

— Такое письмо надо присылать с тем человеком, кто сочинял. Чтобы он сам и читал. Как без него догадаться,

что это Ж-Ж-ДИТЯ, а не ЖЖ-ЖЕРЕБЁНОК или Ж-Ж-МАЛЬЧИК?

— Верно, — согласилась Ирина Вадимовна. — Не выходит у вас с рисунками. А как быть с фамилиями? Товарищу Помидорову в паспорте надо помидор рисовать?

Клоуны опечалились. Действительно, на рисунках далеко не уедешь.

— А теперь сделаем главные выводы. Люди общаются между собой при помощи разговора и писем. И жестов.

— Например, подзатыльников, — сказала Наташа.

Она сказала так и дала Сане подзатыльник, потому что он засунул руку в аквариум и общался с рыбами при помощи вылавливания...

— Мы можем беседовать с людьми, которые жили давно. Потому что можем прочесть написанные ими книги.

— Я очень люблю старинные книги,— сказала Наташа. — Они такие огромные. Из них можно домик построить. А если кого-нибудь такой книгой хлопнешь, он сразу поумнеет. В два раза.

— И вся наша речь состоит из отдельных мыслей, просьб, описаний. Они передаются предложениями. Вот вам пример предложения: «Мальчик завяз в снегу».

— А теперь пусть каждый сам придумает по предложению, — предложила Василиса Потаповна.

Помидоров придумал первый:

— Гражданин Петров пошёл в сберкассу и там завяз.

Клоун Саня сказал:

— Гражданка Петрова пошла в сберкассу и там завязла.

Наташа быстро-быстро подхватила:

— Их дети Петя и Танюша пошли в сберкассу и там завязли.

А клоун Шура молчал.

— Ты чего молчишь? — спросила Ирина Вадимовна. — Придумай что-нибудь.

— А что тут придумаешь? Все уже завязли.

И занятия окончились.

ПРИЛОЖЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ КО ВТОРОМУ ДНЮ

ПРИЛОЖЕНИЕ ПЕРВОЕ

Внизу вы видите, ребята, репродукцию с великолепной картины художника Крамского «Неизвестная». Это ее принял охотничий Саня за фотографию. Ну а раз уж так случилось, расскажите, какая она, неизвестная? Грустная или не очень? Почему сидит в этом кресле посреди улицы? Если мама захочет, пусть пришлёт мне, Мурзилке, ваши ответы. А когда мама отправит письмо, пусть она сама расскажет вам об этой девушке. Я уверен, что все мамы любят картину художника Крамского «Неизвестная».

ДОПОЛНЕНИЕ

— Вот очки, а это стёкла,
А за ними тётя Фёкла.

Тётя Фёкла приготовила вкусный обед. И сказала:

— Не знаю, чему вас там учат в школе, а я бы хотела научить вас правильно вести себя за столом. Главное — надо больше есть. Это очень полезно. Чем больше человек ест, тем больше он толстеет. Чем больше он толстеет, тем больше он здоровеет.

— А у нас в тайге толстым людям плохо! — сказал Саня. — Захочет он на лошадь сесть — лошадь ляжет. Захочет на дерево залезть — дерево согнётся.

— Воспитанные люди на деревья не лазят и на лошадях не ездят, — сказала тётя Фёкла. — Они всё время дома сидят, телевизор смотрят, за гостями ухаживают. Шура, почему ты не ухаживаешь за Наташей? Передай ей, пожалуйста, котлеты.

Шура потянулся за котлетами, но клоун Саня обежал стол и ухватился за тарелку с другой стороны:

— Отдай. Я хочу быть воспитанным.

— И я хочу быть воспитанным, — не отдавал тарелку Шура.

— Я хочу быть вежливым!

— И я хочу быть вежливым!

Тут тарелка переломилась, и котлеты полетели к Наташе сами. А макароны отправились в другую сторону. Они упали на тётю Фёклу. И у неё получилась красивая старинная причёска из макарон.

Так окончился разговор о вежливости и воспитании.

ПРИЛОЖЕНИЕ ВТОРОЕ

Ребята, внизу нарисована комната, в которой уже два дня живёт клоун Наташа. Видите, в ней полный беспорядок. Всё везде валяется и висит не там, где надо. На люстре — носки, на столе стоят модные сапоги, а в шкафу за стеклом прыгает котёнок Васька, одна штука. В ваших комнатах, наверное, тоже бывает так.

Если Наташе понадобится срочно собраться в командировку, она будет собираться несколько дней. Потому что отыскать пальто, носовые платки или шапку сможет только опытный сыщик.

Посмотрите, сумеете ли вы это сделать. Попробуйте найти на рисунке пять предметов, нужных для поездки в другой город, — зубную щётку, расчёску, чемодан, кошелёк и будильник.

Я не хочу хвастать, но у меня, у Мурзилки, в комнате полный порядок, как в аптеке!

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИЗДАЁТСЯ С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
В. МАТВЕЕВ

Редколлегия:
З. АЛЕКСАНДРОВА,
С. АЛЕКСЕЕВ,
А. БАРТО,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
Ю. КАЗАКОВ,
М. КОРШУНОВ,
Т. КОТНИЦКАЯ,
В. ЛОСИН,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЁВ,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела художественного оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический редактор
Г. БЕЛОВА

Сдано в набор 12.12.79
Подписано в печать 05.01.80
Формат 84×108¹/₁₆.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 3,36.
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 802 500 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 2071.

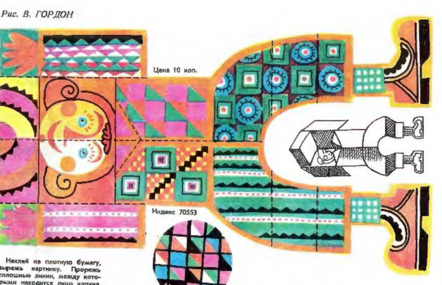
Адрес редакции журнала «Мурзилка»:
125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефон 285-58-77.

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»

Макет
В. ШЛЯНДИНА

Рисунок на обложке
Н. ВОРОНКОВА

Рис. В. ГОРДОН

Цена 10 коп.

Индекс 70553

Наклей на плотную бумагу, вырежь картинку. Прорежь сплошные линии, между которыми находится лицо клоуна, согни по пунктиру. И у тебя получится весёлая фигурка.